

Ли Сы позавтракал и сразу ушел. Весной забот невпроворот: нужно разобраться не только с озимой пшеницей, но и распределить все остальные посеы. Когда Гоудань шел в школу первый раз, Ли Сы, как и прочие родители, увязался с ним. Но на месте выяснилось, что сын и сам прекрасно справляется. Гоудань один водил Ван Сюаня по кабинетам, оформлял документы, забирал учебники... Ли Сы тогда только и оставалось, что стоять в сторонке да удивленно хлопать глазами.

Гоудань тогда даже с официальным именем сам разобрался, избавив отца от лишней головной боли. Ли Сы узнал, что сына теперь зовут Ли Кай, только от регистрировавшего их учителя. Впрочем, мужчина привык к «Гоуданю», поэтому настоящее имя мальчика использовали разве что в школе. Дома, на улице и даже среди одноклассников он так и остался Гоуданем.

В этот раз Ли Сы даже не подумал идти. Немногие оставшиеся в доме деньги Гоудань забрал сам. Ли Сы понимал: как от родителя толку в этих делах все равно никакого. Куда полезнее спокойно заняться пахотой, пока мальчишки сами доберутся до школы и запишутся на новый семестр. Отец со спокойной душой умыл руки.

Гоудань и Ван Сюань налегке шагали среди одноклассников, которых вели за руку родители. Глядя, как старшие крутят уши и отчитывают нерадивых оболтусов, Гоудань так и сиял от самодовольства. Хорошо все-таки, что его отец не имел привычки постоянно пилить сына, иначе он бы точно с ума сошел. Видеть чужие страдания было на редкость приятно, особенно когда тебя самого то и дело ставили в пример другим. В такие минуты Гоудань чувствовал себя невероятно важной птицей.

Ведь раньше его все только ругали да шпыняли. А тут — надо же, образец для подражания! И хотя шедшие рядом приятели, уворачиваясь от родительских подзатыльников, были в голос и бросали на него завистливые взгляды, это ничуть не портило настроения ни Гоуданю, ни Ван Сюаню.

Они привычно отыскивали классного руководителя, чтобы отметить, и сдали по сорок фэней на учебники. Остальную часть платы за обучение, скорее всего, придется отрабатывать весной и летом на школьных полях. Школа то и дело организовывала для учеников обязательные работы, а старшеклассники и вовсе трудились наравне со взрослыми, заменяя добрую половину полноценных рабочих рук.

С охапками новых книг мальчишки поспешили в класс, чтобы занять свои прошлогодние места. В новом семестре рассадку наверняка изменят: кто-то за зиму бросил учебу, кто-то, наоборот, только поступил. В те годы в деревенских начальных школах царил жуткий сумбур, и состав классов постоянно менялся.

Их красавица-учительница в прошлом году вышла замуж за старого и неказистого учителя Чэня. Теперь она продолжала вести класс, но уже с округлившимся животом — сразу видно, что через пару-тройку месяцев она станет матерью. Неизвестно, какими соображениями руководствовалась классная руководительница, но старостой класса она внезапно назначила Гоуданя.

Гоудань даже слегка растерялся. С чего это вдруг? Он обернулся и посмотрел на прежнего старосту, сидевшего за задней партой. Тот был парнем видным, на три года старше Гоуданя, высоким и крепким. Наверное, в свое время его и назначили старостой исключительно за внушительный рост и силу, чтобы держал класс в узде. Правда, этот здоровяк умудрился остаться на второй год уже трижды: с силой-то у него все было в порядке, а вот учеба в голову никак не шла.

Но теперь учительница рассудила иначе. Гоудань не только преуспевал в учебе, но и слыл настоящим заводилой, за которым охотно тянулись даже ребята постарше. В итоге Гоуданя утвердили старостой, а Ван Сюаня — его заместителем. Один должен был следить за дисциплиной, другой — за успеваемостью и сбором домашних заданий. В начальной школе обязанности особо не делили: двое лидеров тащили на себе всю организационную работу, благо в первом классе все равно царил вечный кавардак.

— Одноклассник Ли Кай, справишься с такой ответственностью? — спросила учительница.

Гоудань посмотрел на нее.

«Вы же меня уже при всех называли, разве тут откажешься? — подумал он. — Да и вообще, должность старосты кажется делом заманчивым. Командовать другими? О, это я люблю»

Ван Сюань, само собой, спорить не стал. Он привык во всем поддерживать названного брата: раз брат считает, что надо, значит, так оно и есть.

Прежний староста, лишившись должности, не на шутку расстроился. С чего бы это вдруг его сместили? Старостой-то быть куда почетнее! Но стоило ему взглянуть на Гоуданя, как спесь улетучивалась — в драке ему этого мелкого ни за что не одолеть. С тех пор как Гоудань пришел в школу, этот детина потерял статус главного заводилы. Его кулаки больше не были самым весомым аргументом в классе, да и отбирать чужую еду безнаказанно он больше не мог.

На перемене Гоудань по-дружески похлопал здоровяка по плечу.

— Не вешай нос! Нам с Ван Сюанем тут всего полгода осталось, а потом мы перейдем во второй класс. Борьбаться за место будет некому, и ты снова станешь старостой.

— И то верно! Как уйдете во второй класс, так я опять заступлю, — просиял тот.

До парня наконец дошло, что звание старосты от него никуда не делось — просто пришлось временно уступить дорогу.

— Ладно, договорились. Ты пока покомандуй, а как уйдешь — я приму дела.

Такой уж он был великодушный парень.

С этими словами он шумно шмыгнул носом и лихо утерся рукавом, размазывая по лицу набежавшую соплю.

Гоуданя аж передернуло. А ведь раньше он и сам, не имея порой даже рукавов, преспокойно утирался тыльной стороной ладони и горя не знал. Отчего же теперь чужие нехитрые манеры вызывали у него такое брезгливое недоумение?

— Вот сразу видно — щедрая душа! — сочувственно вздохнул Гоудань. — А то болтают тут всякие, будто ты жадный, любишь пожрать да чужое поотбирать... Я им никогда не верил. Ты у нас парень что надо!

Он попытался было по-хозяйски приобнять приятеля за плечи, но из-за разницы в росте рука дотянулась только до чужой поясницы.

Стоявший позади Ван Сюань с охапкой тетрадей лишь мысленно закатил глаза. Брат давно никого не разводил, и Ван Сюаню уже начало казаться, что тот наконец-то повзрослел. Оказалось, старые привычки так просто не изгладить.

Вернувшись домой, Ван Сюань аккуратно снял старые газетные обложки с прошлогодних учебников — бумага еще вполне прилично сохранилась. Он бережно обернул ею свежие книги, а старые учебники аккуратно сложил и убрал в пространственный карман, отыскав для них место на полке. Занимался этим исключительно Ван Сюань. Предоставь он дело Гоуданю, тот изорвал бы книги в клочья еще до середины семестра — от них остались бы одни огрызки.

Непонятно, как Гоудань ухитрялся так обращаться с вещами, но в его руках все буквально горело. Вроде бы и не ломал ничего нарочно, а вещи изнашивались мгновенно. Именно поэтому Ван Сюань при любой возможности собирал старые газеты и бережно оборачивал каждую книгу.

— И не боишься ты так заговаривать зубы Ханьва? — спросил Ван Сюань. — Если его мать узнает, прибежит к нам и весь дом слезами зальет.

— Да вовсе я ему зубы не заговаривал, всё чистая правда, — хмыкнул Гоудань. — Сам посуди, ну какая ему учеба? Он простейший счет три года одолеть не может. Мы-то здесь на второй год точно не останемся. А когда уйдем, учительнице ничего не останется, кроме как снова сделать его старостой. В классе ведь никого сильнее нет... Ну, кроме меня, конечно.

Ханьва был парнем простоватым, если не сказать глупым, но природа щедро наделила его недюжинной силой.

— Может, в этот раз учительница все-таки переведет его во второй класс? — предположил Ван Сюань. — Нельзя же вечно в первом сидеть.

— Кто знает. Ну переведут — так во втором классе еще на пару лет застрянет. Я ведь его не обманывал. Да и вообще, разве из меня выйдет плохой староста?

Гоудань с самого детства не страдал от избытка скромности. В этой непоколебимой уверенности он мало чем отличался от того же Ханьва.

— И все же... давай вести себя немного скромнее, — вздохнул Ван Сюань.

— Ну уж нет!

На двоих у них была всего одна свинцовая карандашная палочка. Днем, тренируя руку, они выводили иероглифы веточками на земле, а драгоценный карандаш берегли только для домашних заданий, передавая его друг другу. Гоудань в чистописании уступал Ван Сюаню в прилежании. Иероглифы у обоих выходили пока корявыми и угловатыми, хотя знали они уже немало знаков — сказывались суровые уроки настоятеля, который не терпел лени.

Ван Сюань устроил нехитрый рабочий уголок у низкого табурета. Примостившись на корточках, он старательно, черточка за черточкой, выводил свое имя на первой странице учебника. Буквы получались крупными, слегка разваливающимися в стороны, но в каждом движении чувствовалось детское упрямство. Закончив, он точно так же бережно вывел на соседней обложке имя брата.

Он аккуратно уложил книги в холщовую сумку. Единственный карандаш, бережно заточенный с одного конца, Ван Сюань приткнул в самый уголок — это было их главное сокровище, без которого не сделать ни одного домашнего задания. Такие карандаши продавались только в уездном снабженческо-сбытовом кооперативе, и когда они покупали его в прошлый раз, высокомерная продавщица едва не проглядела в них дыру своими презрительными взглядами. Для Ван Сюаня этот кусочек грифеля в деревянной рубашке стоял в одном ряду с книгами, и относился он к нему со всей возможной бережливостью.

Весенний сев — дело тяжелое и изнурительное. Прошлый год выдался неурожайным, так что теперь взрослым предстояло крепко поломать голову: что сеять и в каких объемах? Впрочем, детвору эти заботы мало касались. Максимум, что грозило Гоуданю и его сверстникам — это получить под горячую руку от уставших родителей. Жизнь у них была простой: с утра пораньше их вытряхивали из теплых постелей, и они, не успев даже позавтракать и умыться, сонные брели гурьбой в сторону школы, на ходу протирая заспанные глаза.

Растрепанные вихры, перемазанные щеки с засохшими следами вчерашней грязи и соплей — у кого-то они уже потемнели и превратились в причудливые разводы. Самые сонные ухитрялись натянуть одежду задом наперед. В семьях, где росло много ребятишек, вещи были общими: кто раньше встал, тот и ухватил штаны поцелее да рубаху поновее. Остальным приходилось довольствоваться обносками не по размеру, нелепо висевшими на худых тельцах. Но никто никого не дразнил и не чурался — все жили одинаково бедно.

Просыпаться в промозглые весенние холода для любого ребенка — чистая мука. Но Гоудань,

чье тело и разум крепили день ото дня благодаря тайным тренировкам, больше не засиживался допоздна за «учебой», поэтому ранние подъемы давались ему сравнительно легко.

Хотя без окрика отца или мягкого толчка Ван Сюаня он все равно не обходился. Зато благодаря хлопотливому Ван Сюаню у них по утрам всегда была теплая печеная бататина — скромный перекус, помогавший дотянуть до обеда без урчания в животе.

Прошлогодний урожай сладкого картофеля берегли как зеницу ока. Поврежденные при копке клубни Ли Сы сразу пустил на сушку, а целые постарался укрыть понадежнее. Так поступали во всей деревне, однако за долгую зиму часть запасов все равно подгнила и померзла в плохо утепленных погребах.

К весне, с первыми теплыми днями, уцелевшие клубни начали прорастать. С виду они казались крепкими, но на ощупь сделались легкими, словно высохли изнутри. Если разрезать такой батат, мякоть оказывалась губчатой и волокнистой, потерявшей сок, зато на вкус она становилась куда слаще обычного.

Гоуданю и Ван Сюаню как раз достались такие клубни — наполовину подпорченные, со срезанными боками. Отрезав гниль и тщательно промыв оставшуюся мякоть, есть их вполне можно было. Ван Сюань с вечера поставил их томиться на угасающих углях в печи, а утром бросил в топку пару щепок, чтобы согреть нехитрый завтрак.

В те времена трехразовое питание считалось непозволительной роскошью. Ли Сы, хоть и души не чаял в сыне, втайне сокрушался о расходе продуктов. Гоудань в последнее время рос не по дням, а по часам, и аппетит у него сделался прямо-таки волчий — парень требовал еды трижды в день, из-за чего семейные закрома таяли на глазах. Но не кормить же одного Ван Сюаня? Ли Сы понимал: обдели он сироту, Гоудань все равно без раздумий разломит свою долю пополам и отдаст названому брату.

Как ни жалел Ли Сы зерно и овощи, препятствовать сыну он не стал. В конце концов, на завтрак ребятам хватало двух небольших бататин. Сам же он, пока страда не вошла в самую жесткую пору, обходился одной или двумя скудными трапезами в день, отдавая все лучшее детям.

На полях закипела работа, и с каждым днем становилось все теплее. Окрестные холмы покрылись сочной молодой травой. Ожила и зашевелилась всякая мелкая живность: стоило сделать шаг по тропинке, как из-под ног в рассыпную бросались кузнечики, сверчки, крошечные лягушата и прочие букашки, названий которым деревенские ребята и знать не знали.

Близились лето. Глядя на едва проклюнувшиеся зеленые всходы, крестьяне тоскливо похлопывали себя по впалым животам и заглядывали в пустые мешки из-под муки. В глазах изнуренных голодом хлебопашцев разгорался лихорадочный блеск.

Еда кончилась. Деревню вновь накрыло тенью голода. В такие суровые времена сразу

становилось ясно, у кого родня надежная, а у кого — голодный рот на шее. Большое семейство теперь могло стать не опорой, а непосильным бременем.

Хождения по дворам в надежде занять хоть горсть зерна повторялись из года в год. Два-три раза за сезон кому-нибудь обязательно не хватало припасов до нового урожая. Если в семье было много дочерей, выданных замуж в соседние деревни, родителям приходилось туго: либо они пытались выкроить крохи у зятьев, либо сами замужние дочери возвращались в отчий дом, ведя за собой голодных внуков в надежде получить хоть какую-то помощь.

Но в это время сытых дворов не оставалось — голод стучался к каждому. Добрая свекровь, завидев несчастную дочь с детьми, могла тайком сунуть им пресную лепешку. Но если в доме верховодила сварливая невестка, тут же поднимался крик: «Свои дети пухнут от голода, с какой стати мы должны кормить чужую кровь?»

Случалось и наоборот: свекровь строго следила, чтобы невестка не утаскивала припасы в дом своих родителей. Стоило заметить неладное, и старая карга подговаривала сына проучить жену кулаками. Ссоры между свекровьями и невестками, обиды золовок на невесток, бесконечные упреки и брань за кусок хлеба гремели теперь по всей округе каждый день.

В доме Гоуданя с провизией тоже было негусто, но мальчик умел добывать пропитание: то дикие травы принесет, то съедобные коренья, которые они варили вместе с горстью крупы. Ван Сюань бережно отмерял каждую крупинку для жидкой каши, точно рассчитывая соотношение зерна и воды. Мать Гоуданя давно сбежала, с ее родственниками они знаться не желали, да и хозяйки в доме не водилось. Посторонние к ним не заглядывали — вся деревня знала, что у Ли Сы за душой ни гроша, а с одним кормильцем выжить в голодное время труднее всего.

По крайней мере, сами Ли Сы и Гоудань искренне в это верили.

<http://bllate.org/book/19654/1996699>